

Шест судьбы,
или
попаданка к ликанам

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нэйта Соул

Нэйтa Соул

**Шест судьбы, или
Попаданка к ликанам**

«Автор»

2026

Соул Н.

Шест судьбы, или Попаданка к ликанам / Н. Соул — «Автор»,
2026

Алёна Петрова, двадцать шесть лет, стриптизёрша из Саратова. Вспотевшие ладони, неудачная «перевёрнутая русалка» на трёхметровом пилоне — и темнота. Пробуждение в чужом теле, в чужом мире, на шёлковых простынях борделя для оборотней. Новые правила: ликаны — правящая раса, люди — второй сорт, полукровки вроде неё — товар. Цена Алёны двенадцать серебряных. Полторы коровы. Но у Алёны есть то, чего нет ни у кого в этом мире: двенадцать лет на шесте, железная хватка бизнес-леди из девяностых и абсолютное нежелание ложиться под кого бы то ни было без собственного на то решения. Один выкованный шест. Одно невиданное шоу. Один альфа с чёрными глазами, который привык контролировать всё — кроме того, что эта женщина делает с его рассудком. Из рабыни в танцовщицу. Из танцовщицы в легенду. Из легенды в хозяйку империи, где ни одна женщина больше не ляжет на спину против своей воли. Мир ликанов не знал, что такое пилон. Теперь узнает.

© Соул Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПОЛЁТ КОРОТКИЙ, ПОСАДКА ЖЁСТКАЯ	5
ГЛАВА 1. Доброе утречко	6
ГЛАВА 2. НОВЫЙ МИР, СТАРЫЕ НАВЫКИ	9
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Шест судьбы, или Попаданка к ликанам

ПРОЛОГ. ПОЛЁТ КОРОТКИЙ, ПОСАДКА ЖЁСТКАЯ

Знаете, как говорят — перед смертью вся жизнь проносится перед глазами?

Враньё.

Перед моими глазами пронёсся лепной потолок VIP-ложи клуба «Эдем», затем сверкнул хромированный пилон, следом мелькнуло чьё-то перекошенное лицо с зажатой в зубах сигарой. Потом снова потолок — уже почему-то снизу, стремительно отдаляющийся, — и темнота.

Меня зовут Алёна Сергеевна Петрова, мне двадцать шесть лет, и я только что убила об пол, выполняя «перевернутую русалку» на высоте трёх метров.

Ладони вспотели. Со стриптизёршами такое бывает. Обычно — не насмерть.

Последнее, что врезалось в память — пульсирующий басами ремикс на Рианну. И сдавленный голос охранника Толика откуда-то снизу:

— Ёб.....

Дальше — тишина. Никакого белого тоннеля. Никаких ангелов с арфами и дедушек на облаках. Меня просто выключили. Как старый телевизор из розетки. Щёлк — и эфир прервался.

А потом кто-то нажал кнопку «Вкл». Только канал, сука, сменился.

ГЛАВА 1. Доброе утречко

Первое, что я почувствовала, приходя в себя — запах. Нет, не цветов. Не ладана. И уж точно не стерильной больничной хлорки. Пахло чем-то густым, тяжёлым, первобытным. Muskus, дым, пот, горячая кожа и что-то ещё — дурманяще-сладковатое, пряное. От этого запаха внизу живота предательски потеплело, а по позвоночнику скользнула дрожь. Я ещё даже глаза не открыла, а тело уже отозвалось тягучим возбуждением.

«Интересная реанимация», — философски подумала я.

Я разлепила веки. Потолок. Деревянный. Массивные тёмные балки, а между ними — бордовый шёлк, задрапированный тяжёлыми волнами. На стенах в кованных подсвечниках оплывали настоящие восковые свечи. Я лежала на кровати. Огромной, с резными столбиками и балдахином, на тёмно-красных атласных простынях. Под простынёй я была абсолютно, тотально голая.

«Ладно, — успокоила я себя. — Может, это какой-то элитный частный госпиталь. С тематическим интерьером под бордель. Бывает же?»

Не бывает. Я попыталась сесть — и мир качнулся. Голова не болела, но кружилась, как после долгого, глубокого сна. Тело ощущалось странно. Не моим. Каким-то слишком лёгким, пружинистым и пугающе чувствительным. Простыня скользнула по бедру, и я вздрогнула — каждый нерв под кожей полыхнул так, будто меня ударило статическим электричеством.

Я опустила взгляд. Грудь. Моя была хорошей, уверенной «тройкой». Натуральной, упругой, я ей гордилась.

То, что я видела сейчас, было «пятеркой». Минимум. Высокие, тяжёлые полусферы с тёмно-розовыми сосками, которые стояли торчком, будто на морозе. Хотя в комнате было душно.

— Какого хрена? — выдавила я.

Голос тоже был не мой. Ниже. Мягче. С такой бархатной, вибрирующей хрипотцой, от которой мужики обычно забывают пин-коды от кредиток.

Я скинула простыню, вскочила с кровати — удивительно легко, мышцы сработали как стальные пружины — и бросилась искать зеркало. Нашла. Большое, в тяжёлой бронзовой раме, украшенной оскаленными мордами то ли волков, то ли псов.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

Высокая — метр семьдесят пять, не меньше. Тело — влажная фантазия скульптора: осиная талия, крутые бёдра, бесконечные ноги и молочно-белая кожа без единого изъяна. Густые чёрные волосы падали ниже поясицы. Лицо с острыми, хищными скулами и пухлыми губами.

Но главное — глаза. Огромные, цвета расплавленного янтаря.

— Линзы? — прошептала я, придвигаясь вплотную к стеклу.

Нет. Пока я смотрела, чёрный зрачок дрогнул и сузился в вертикальную щель. Как у кошки. Или у змеи.

За спиной скрипнула дверь.

— О, новенькая очухалась!

Я резко обернулась, машинально прикрыв грудь руками, хотя, судя по обстановке, скромность в этом заведении в список добродетелей не входила.

В дверях стояла женщина. Лет сорока, может, пятидесяти — из той породы дам, что не стареют, а матереют, приобретая стальной характер. Высокая причёска из рыжих волос. Корсет, безжалостно утягивающий талию и выталкивающий грудь почти до подбородка. Длинная юбка с разрезом от самого бедра. Её взгляд — цепкий, рентгеновский — напомнил мне мою менеджершу в «Эдеме», только эта казалась опаснее.

— Мадам Ирма, — представилась она, не дожидаясь вопросов. — Это мой дом. Ты — моя новая девочка. Как себя чувствуешь?

— Где я? — мой новый бархатный голос меня откровенно бесил. Я привыкла к своему: звонкому, саратовскому.

Мадам Ирма вошла, закрыла дверь и профессионально окинула меня взглядом с ног до головы. Как призывую кобылу на ярмарке.

— Ты в «Лунном цветке». Лучший дом утех для ликанов в Серебряном городе, — она подошла ближе, бесцеремонно приподняла мой подбородок двумя пальцами и заглянула в янтарные глаза. — Тебя купили вчера на рынке. Ты была без сознания. Продавец сказал, что подобрал тебя у дороги. Ни клейма, ни ошейника. Дикая, значит.

Каждое слово било наотмашь. Купили. Рынок. Ошейник. Дикая.

— Ликаны — это — осторожно начала я.

—оборотни, дорогая. — Мадам Ирма улыбнулась. Обычные человеческие зубы, но клыки чуть острее и длиннее, чем нужно. — Ты ведь знаешь, что ты такое?

Я покосилась в зеркало. Вертикальные зрачки. Идеальное тело. Кожа, отзывающаяся на малейшее дуновение воздуха.

— Нет, — честно ответила я. — Я понятия не имею, что я такое. Я вообще-то стрипти-зёрша из Саратова.

Мадам Ирма моргнула. Потом ещё раз.

— Из откуда?

— Неважно, — я отмахнулась, отступая на шаг. — Скажите лучше — тут шест есть?

Мадам Ирма явно решила, что при падении я отбила себе мозги. Я не стала разочаровывать её рассказом про хромированный пилон и ремикс на Рианну. Некоторые вещи лучше держать при себе, особенно когда ты стоишь голая, в чужом сверхчувствительном теле, в борделе для оборотней где-то в параллельной вселенной.

Следующий час я провела, закутавшись в простыню и слушая вводный инструктаж. Мадам Ирма оказалась женщиной деловой и конкретной, что сразу вызвало у меня симпатию. Она до боли напоминала мою тётю Валу, которая двадцать лет держала баню в Энгельсе и рулила бандитами железной рукой.

Итак, факты.

Факт первый: я находилась в мире, где миром правили ликаны — оборотни. Сильные, быстрые, с обострёнными чувствами и скверным характером. Люди тут существовали на правах обслуживающего персонала: прислуга, ремесленники, крестьяне. Ну и девочки в заведениях вроде «Лунного цветка».

Факт второй: моё новое тело не было ни человеческим, ни волчьим. Я — «грязная полукровка». Помесь. Обращаться в зверя не умею, зато пахну так, что у ликанов сносит крышу. Идеальный скоропортящийся товар для борделя.

Факт третий: я — собственность. Купленная за двенадцать серебряных марок. Мадам Ирма даже помахала перед моим носом распиской.

— Двенадцать? — хмыкнула я. — Это много или мало?

— Корова стоит восемь, — сухо ответила Ирма.

— То есть я — полторы коровы. Весьма лестно.

Она посмотрела на меня с просыпающимся интересом:

— Ты странная.

— Вы даже не представляете, насколько.

Факт четвёртый, и самый главный: сегодня вечером у меня первая смена. Клиенты — оборотни, готовые платить за ночь с красивой полукровкой.

Вот тут я снова села на кровать.

В прошлой жизни я танцевала. Раздевалась, крутилась на шесте — да. Но приват в «Эдеме» — это максимум потереться задницей о колени потного бизнесмена, пока охранник Толик стоит за дверью. Руками не трогать. Штраф. Здесь Толика не было.

— А можно я просто танцевать буду? — спросила я, закидывая удочку.

Мадам Ирма изогнула бровь:

— Танцевать?

— Ну да. Я умею. Профессионально. На шесте.

— На чём?

— Нужна вертикальная железная палка. Намертво закреплённая между полом и потолком. Я покажу.

Она смотрела на меня так, будто я предложила научить её собаку вышивать крестиком.

— Девочка, — терпеливо, как слабоумной, сказала она. — Клиенты приходят сюда не смотреть. Они приходят

— Я поняла, — перебила я. — Но послушайте меня внимательно. Я знаю о мужчинах кое-что важное. Неважно, люди они или оборотни с хвостами. Если мужику дать всё и сразу — он теряет интерес через пять минут. А если показывать медленно, красиво, играя на грани Он сам вывернет карманы, лишь бы увидеть чуть больше.

Мадам Ирма замолчала. Её рентгеновский взгляд пробежался по моему лицу, оценивая риски. А затем она медленно, хищно улыбнулась.

— Продолжай.

— Мне нужен шест, — чеканя слова, сказала я. — И хорошая музыка. Музыка тут вообще есть?

— Менестрели.

— Сойдёт.

ГЛАВА 2. НОВЫЙ МИР, СТАРЫЕ НАВЫКИ

К вечеру Лира вывалила на меня столько информации о ликанах, что голова пошла кругом.

Она рассказывала охотно — кажется, ей просто нравилось чувствовать себя знающей в глазах новенькой. А я сидела, слушала, мотала на ус и пыталась уложить в голове архитектуру мира, в который меня так бесцеремонно забросило.

Итак. Место называлось Тэрнум. Не планета — именно «мир». Плоский он, круглый или в форме чемодана — никто толком не знал. До края никто не доходил, а если и доходил, то забывал вернуться, чтобы рассказать остальным. Лира лишь пожала плечами на мой вопрос: *«Легенды есть. Но кому какое дело? Край мира далеко, а жрать хочется сейчас»*. Практичная девочка.

Тэрнум всецело принадлежал ликанам. Не формально и не по закону, а по старейшему праву — праву сильного. Они были здесь первыми. Или, по крайней мере, первыми, кто оказался достаточно зубастым, чтобы выжить.

Ликаны — это оборотни. Люди, способные оборачиваться волками, или волки, натягивающие человеческую шкуру — зависело от того, кого спросить. Полное обращение подразумевало стандартный набор из ночных кошмаров: четыре лапы, хвост, гора мышц под густой шерстью и клыки, способные перекусить хребет. Частичное — то, что я видела у кузнеца Барга: вроде бы человек, но с явным звериным апгрейдом. Когти, удлинённые клыки, жесткая щетина на скулах и жутковатые янтарные глаза.

В человеческом же облике они выглядели почти как люди. Почти. Выше среднего, крепче среднего, красивее среднего — если вам, конечно, нравится типаж «я могу свернуть тебе шею одной левой, но сначала мило улыбнусь». Отличить ликана в толпе было сложно, но можно. Их выдавали движения — слишком плавные, слишком хищные и бесшумные. Глаза — нездорово яркие, с вертикальным зрачком, который проступал в темноте или от злости.

И запах. Лира клялась, что ликаны пахнут иначе. Я пока разницы не чувствовала — видимо, рецепторы моего нового тела полукровки ещё не вышли из спящего режима.

— У них всё острее, — объясняла Лира, болтая ногами на подоконнике. — Слух, зрение, обоняние. Они слышат, как бьется сердце за стеной. Чуют страх, ложь, возбуждение. Видят в темноте, как мы с тобой днём. Поэтому врать ликану — дохлый номер. Он просто услышит, как твоё сердце ёкнуло.

— А если я очень профессионально вру?

— Тогда он учует холодный пот. Или скачок адреналина. Или то, как у тебя расширились зрачки от напряжения. Серьёзно, Алёна, даже не пытайся. Особенно с альфами.

Альфы. Вот тут начиналось самое интересное. Ликаны жили стаями — от нескольких десятков до сотен рыл. Во главе стоял он — альфа. Самый быстрый, самый жестокий, самый опасный. Здесь не было выборов и предвыборных кампаний: власть брали силой. Претендент просто вызывал действующего босса на поединок и либо побеждал, либо уходил на корм червям. Третьего варианта не дано.

— А если альфа стал старым и больным? — уточнила я.

— Тогда его вызывает кто-то помоложе. Рвёт глотку и становится новым вожаком. Так было всегда.

— Демократия по-волчьи.

— Что такое демократия?

— Не бери в голову. Продолжай.

Сразу под альфой шли беты — ближний круг, советники, полевые командиры. Достаточно сильные, чтобы вести за собой, но недостаточно амбициозные (или слишком умные),

чтобы бросать вызов вожаку. Ещё ниже — рядовые. Воины, ремесленники, охотники. Каждый — винтик в механизме стаи.

На самом дне пищевой цепи барахтались омеги. Слабейшие изгои без статуса, прав и голоса. Упомянув их, Лира болезненно скривилась и поспешила сменить тему.

Стаи делили между собой территории. Наш Серебряный город оказался лакомым куском, который контролировали сразу три группировки: «Чёрная Луна» (самая отбитая и сильная, альфа — некий Кайран), «Серебряный Клык» (альфа — старый хитрый лис Торвен с бородой до пояса) и «Багровый Вой» (самая малочисленная, где управляла женщина по имени Рикка, что считалось нонсенсом).

Этот триумвират поддерживал хрупкий баланс через Совет Стай — сходку трёх вожаков, решавших вопросы налогов, обороны и законов. Законы, правда, не блистали юридической тонкостью: не убивай без повода, не крысятничай у своих, исправно плати долю в общак. Всё остальное решал лично альфа.

Люди в этом дивном новом мире проходили по категории «второй сорт». Не то чтобы все поголовно рабы, нет. Существовали свободные ремесленники, фермеры, купцы. Они варились в своих кварталах, исправно платили дань стаям и подчинялись правилам. Но прав голоса не имели. Носить оружие — запрещено. Занимать должности — забудьте. Отказать ликану, чего бы тот ни захотел — смертный приговор.

— А если ликан убьёт человека? — прищурилась я.

Лира посмотрела на меня, как на городскую сумасшедшую.

— Заплатит штраф. Если убитый был свободным, конечно. Если раб — вообще ничего не будет.

— Штраф. За убийство. Вы серьезно?

— Ну да. Десять серебряных за простолюдина. Пятьдесят — за торговца или мастера. Сотня — за лекаря. Лекари дорогие, дефицит.

Я промолчала, переваривая расценки на человеческую жизнь.

— А если человек убьёт ликана?

— Публичная казнь на площади. Обычно — разрывают. В полном обращении.

— Разрывают.

— На куски. Да.

Я нервно сглотнула. Моя собственная, новая категория — «полукровки» — барахталась в самом иле социального дна. Дети ликанов и людей. Бракованный товар. Для людей — слишком монстры, для волков — слишком слабые выродки. Полукровки не могли оборачиваться полностью, зато получали бонусом обострённые чувства, живучесть как у тараканов и восприимчивость к местному аналогу радиации — лунной магии.

Луна в Тэрнуме была не просто куском камня на орбите. Она была живой. Серебряная Госпожа, питающая ликанов силой. В полнолуние они становились машинами для убийства, лунный свет лечил их раны. А ещё луна производила «лунную пыльцу».

— Она оседает везде в полнолуние, — рассказывала Лира, жестикулируя. — Серебристая, мерцающая. Ликаны её собирают. Она усиливает всё. Радость, боль, желание. Её используют у нас, в борделях. И лекари тоже.

— Наркотик?

— Что?

— Вызывает зависимость? Ломает?

— Пыльца — нет. А вот «лунный корень» — да. Его вываривают из пыльцы, делают концентрат. Вот с него слезть невозможно. Для людей и нас, полукровок, это верная смерть, если долго сидеть.

Я сделала мысленную зарубку: пыльца — окей, корень — не окей.

Были ещё сказки про редкий серебряный мох, лечащий от всего, включая зависимость от корня, но стоил он как крыло от самолета.

— А нормальная магия? — не сдавалась я. — Ну там, файерболы из рук, телепортация, левитация? Метлы, на худой конец?

Ли́ра снова уставилась на меня непонимающим взглядом.

— Ты точно головой сильно приложились. Какие ещё файерболы? Есть луна, оборотни и пыльца. Всё.

Это упрощало общую картину, но сильно усложняло лично мою жизнь. Никаких магических лазеек, порталов домой или чудо-артефактов, чтобы сбежать. Только мои собственные мозги, новое тело и шест. Ладно. Нам не привыкать вывозить на чистом упрямстве.

География тоже не баловала разнообразием. Мы находились в Серебряном городе — местном торговом хабе на перекрёстке всех дорог. Кто держит город — держит экономику половины мира.

На юге лежала столица Аурхен, где теоретически восседал Верховный Альфа, который, по слухам, больше спал, чем правил. А на севере зияли Дикие Земли. Мертвая зона, куда стекались отбросы, изгнанники и одиночки.

— Там нет закона, — перешла на шепот Ли́ра. — Вообще. Кто сильнее, тот и выжил.

— Звучит как мой родной Саратов в девяностые, — хмыкнула я.

— Что?

— Забудь.

Экономика работала жестко. Волки контролировали ресурсы и логистику. Люди пахали. Рабство цвело махровым цветом: за долги, за преступления или просто по факту рождения. Валюта стандартная — золото, серебро, медь. Одна корова — восемь серебряных. Я, по бумагам Ирмы, стоила двенадцать. Полторы коровы. Какая лесь.

С технологиями было туго, уверенное средневековье без намека на электричество или порох. Зато были лунные артефакты: светящиеся булыжники вместо лампочек и зеркала для видеосвязи у местных олигархов. Книги существовали, но читать умели единицы.

Мир без интернета, без базовых прав человека. Мир, где половина населения — собственность, а женщина — либо инкубатор, либо шлюха. Или — танцовщица.

Я посмотрела на деревянную подпорку в углу комнаты. Мой единственный инструмент. Мой единственный аргумент в этом дерьмовом мире.

— Ли́ра, — я резко прервала её щебетание. — Расскажи мне про деньги. Кто, сколько, кому и за что платит. Подробно.

— Зачем тебе?

— Затем, что я планирую стать самой богатой полукровкой отсюда и до твоих Диких Земель.

Она поморгала.

— Ты всё-таки повредила рассудок.

— Возможно. Но считать проценты мне это не мешает. Давай, выкладывай.

И она выложила.

Позже мне выделили постоянную жилплощадь. Крошечная, но чистая каморка с узким окном, выходящим то ли на конюшню, то ли на помойку. Твердые «пять звезд».

Ли́ра — худенькая, усыпанная веснушками полукровка с глазами вечно испуганной лани — оказалась моей соседкой. Она работала в «Лунном цветке» уже два года и смотрела на меня с такой всепоглощающей жалостью, словно я была слепым котенком на краю ведра с водой.

— Ты правда совсем-совсем ничего не помнишь? — сочувственно спросила она, помогая мне разобраться с местным гардеробом.

Одежда представляла собой кусок полупрозрачной ткани, скрывающий примерно столько же, сколько слой пищевой пленки.

— Как отрезало, — легко соврала я. Легенда с амнезией была куда безопаснее, чем исповедь стриптизёрши, нагнувшейся с пилона на корпоративе.

— Бедняжка, — Лира осторожно погладила меня по плечу. — Ничего, втянешься. Главное — никогда не смотри им прямо в глаза. Они воспринимают это как вызов на бой. И не сопротивляйся, даже если будет больно. Они иногда увлекаются.

— Увлекаются?

Вместо ответа Лира молча спустила тунику с левого плеча. Четыре глубоких, побелевших шрама от когтей пересекали ключицу.

— Один из постоянных, — ровным, мертвым голосом пояснила она. — Бета из «Серебряного Клыка». Когда кончает, у него срывает контроль и выходят когти.

Меня пробрал мороз по коже.

— И ты просто терпишь, пока тебя рвут на части?

— А какой выбор? — она пожала плечами, натягивая ткань обратно. — Он платит золотом. Мадам Ирма за это разрешила мне жить в отдельной комнате, а не в общем бараке.

Я стиснула челюсти. Алёна Сергеевна, ты влипла. Конкретно, бесповоротно влипла. Это тебе не пьяного депутата в випе успокаивать, которого Толик-охранник мог вынести за шкуру. Здесь охранников нет. Здесь клиенты сами кого хочешь вынесут. По частям.

Но паниковать было недосуг. До начала вечерней смены оставалось пара часов, и мне срочно был нужен шест.

Кузнец Барг оказался шкафоподобным мужиком с руками толщиной с мои бедра (прошлые бедра, не эти). Он был человеком, работал при борделе и чинил всё, что ломалось или отрывалось.

— Мне нужна труба. Железная, — чеканя слова, скомандовала я. — От пола до потолка. Идеально гладкая, отполированная. И закреплённая намертво, чтобы выдержала динамическую нагрузку.

Барг посмотрел на меня с искренним состраданием к моему психическому здоровью.

— На кой ляд?

— Для танцев.

— Танцев на трубе?

— Именно. Я буду на ней крутиться.

Повисла тяжёлая пауза.

— Голая? — деловито уточнил кузнец.

— Зависит от чека.

Барг почесал затылок, перевел вопросительный взгляд на мадам Ирму, стоявшую неподалеку со скрещенными руками. Получив от неё скупой кивок, он молча ушел в кузницу.

Спустя три часа по центру одной из VIP-комнат «Лунного цветка» возвышался шест. Конечно, это был не профессиональный хромированный пилон с режимом вращения. Обычное кованое железо, хоть и отполированное на совесть. Чуть толще в обхвате, чем я привыкла. Но стоило мне сжать его ладонью — пальцы нового тела легли идеально, словно ждали этого всю жизнь.

Я скинула полупрозрачную тунику. Ирма и Лира замерли у стены. Барг деликатно ретировался за дверь. Я закрыла глаза. Глубокий, медленный вдох. Тело было абсолютно чужим, легким и пугающе сильным. Но мышечная память никуда не делась. Нет, даже не мышечная — это было намертво вшито в подкорку, въелось в самую мою суть. Двенадцать лет каторжных тренировок. Тысячи стертых в кровь ладоней. Океан пота на матах. Такое не стирается даже после смерти.

Я сделала шаг и прыгнула. Обхват бедрами, прогиб в пояснице, руки в стороны — мир привычно перевернулся с ног на голову. Длинные черные волосы — не мои, чужие — хлынули

вниз тяжелым шелком. Моя новая оболочка полукровки оказалась поразительно мощной и гибкой. Я закружилась вокруг железной оси, и это чувство было сродни полету.

Без софитов. Без клубного бита. Только тяжелое дыхание и тихий скрип железа. Я легко вышла в «перевернутую русалку» — ту самую роковую связку, на которой свернула шею в Саратове. Тело висело головой вниз, удерживаемое на гладком металле исключительно силой сжатых бедер. Мышцы сработали безупречно. Ни миллиметра скольжения. Затем перетекла в «бабочку». Раскрутилась в «огненный вихрь». И в финале — убийственно медленный, текучий спуск, обвивая металл всем телом, как змея, гипнотизирующая жертву.

Когда я наконец коснулась пола и обернулась к зрителям, грудь тяжело вздымалась, а кожа блестела от пота. У мадам Ирмы в буквальном смысле отвисла челюсть. Лира зажала рот ладонями и тихо, потрясенно плакала.

— Ну? — хрипло спросила я, смахнув волосы с лица. — Как вам демо-версия?

Ирма захлопнула рот. Сглотнула.

— Сколько, — голос хозяйки борделя дал легкого петуха, — ты хочешь за одно выступление?

— Разве я не бесправная рабыня? — невинно похлопала я ресницами.

— Ты — эксклюзивная инвестиция, — мгновенно сориентировалась Ирма, возвращая себе деловую хватку. — А хорошие инвестиции нужно мотивировать.

Я улыбнулась. Впервые с момента пробуждения в этом дурдоме — по-настоящему, хищно, искренне.

— Двадцать процентов от выручки зала за каждый вечер моей работы. И отдельная комната. Только для меня. С надежным замком изнутри.

— Десять процентов. И комната.

— Пятнадцать. И ни один клиент не смеет коснуться меня без моего прямого согласия.

Ирма прищурилась, оценивая наглость товара.

— Ты торгуешься дерзко, как купеческая дочь.

— Я торгуюсь как женщина, которая прекрасно знает себе цену. Полторы коровы, мадам, вы же сами помните.

Она не выдержала и рассмеялась — громко, густо, запрокинув голову.

— Хорошо. Пятнадцать процентов, — отсмеявшись, постановила она. — Комната с крепким замком. Но если толстосум захочет большего и выложит за это золото — мы вернемся к обсуждению.

— Обязательно вернемся, — покладисто кивнула я.

Мы ударили по рукам. Мой первый контракт в этом суровом средневековье был заключен. Оставалось самое простое: выжить, чтобы успеть потратить заработанное.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР

Вечер наступил слишком быстро. С наступлением темноты «Лунный цветок» преобразился. Из просторного, но заурядного деревянного дома с претензией на роскошь он мутировал в настоящий храм порока. Зал заливал тёплый, дрожащий свет сотен свечей, а густой воздух пропитался ароматами тяжелых благовоний, мускуса и чем-то сладковато-одурманивающим.

— Лунная пыльца, — пояснила Лира, старательно крася мне губы составом, подозрительно похожим на свекольный сок. — Афродизиак для ликанов. Обостряет их чувства. Особенно обоняние.

— А на полукровок действует?

— Ещё как. Будешь чувствительнее.

Прекрасно. Искрящих нервов мне сейчас только не хватало. Мой сценический костюм вряд ли можно было назвать одеждой. Скорее — издевательством над концепцией скромности. Полоски чёрного шёлка были стратегически обмотаны вокруг тела: грудь формально прикрыта, но каждое резкое движение грозило катастрофой. Бёдра — открыты. Живот — открыт. Спина обнажена полностью, до самой поясницы.

— Ликаны любят видеть кожу, — наставляла Лира. — Они реагируют на запах, но возбуждаются от вида. Чем больше голого тела, тем щедрее чаевые.

— Прямо как в нашем «Эдеме», — пробормотала я.

— Что?

— Ничего. Классика жанра.

Волосы мне оставили распущенными. Лира искусно вплела в них тонкие серебряные цепочки с крошечными лунными камнями. В мутном зеркале отражалась ожившая мужская фантазия — тёмная, опасная, невозможно красивая.

Это было странное, пьянящее чувство. В прошлой жизни я была симпатичной. Привлекательной, да. Но не *такой*. Это тело было выковано как оружие — каждый изгиб, каждая линия созданы, чтобы сводить с ума и заставлять забывать собственное имя.

«Ладно, Алёна, — сказала я себе, глядя в янтарные глаза отражения. — Ты всю жизнь танцевала для мужиков. Эти — просто мохнатые и клыкастые. справишься».

Главный зал «Лунного цветка» гудел. Я осторожно подглядывала из-за бархатной занавески, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Ликаны. В человеческом облике они выглядели пугающе впечатляюще. Высокие, широкоплечие, с хищной, ленивой грацией в каждом движении. Мужчины — все как на подбор, будто их штамповали на фабрике влажных снов. Острые скулы, тяжёлые челюсти. И глаза, которые жутковато вспыхивали в полумраке свечей: жёлтые, зелёные, стальные.

Они пили что-то тёмное из массивных кубков, хохотали, рычали — буквально рычали низким, утробным звуком, от которого вибрировали половицы. Некоторые уже тащили хихикающих девиц наверх. Другие развлекались прямо в зале, вжимая их в дубовые столы и не особо стесняясь зрителей.

В углу здоровенный рыжебородый ликан держал на коленях сразу двух девушек. Одна целовала его в шею, другая ну, скажем так, её голова находилась значительно ниже уровня столешницы.

— Это Рагнар, — шепнула Лира из-за плеча. — Бета стаи «Железного Когтя». Приходит каждую неделю. Грубый, но платит золотом. И когти убирает. Обычно.

— Вот это «обычно» очень обнадёживает, — хмыкнула я.

— А вон тот, у камина.

Я посмотрела. У камина, в массивном кресле, сидел мужчина. Один. Без визжащей девицы на коленях, без кубка в руке. Он просто сидел и смотрел в огонь. Его выделяла тишина.

Вокруг бушевал хаос, стоял рык, смех и стоны, а он казался чёрным камнем посреди горной реки. Абсолютно неподвижный. Пугающе спокойный. И его глаза. Не жёлтые, не зелёные. Чёрные, как беззвёздное зимнее небо — холодные и затягивающие.

— Кто это? — спросила я.

Лица побледнела. Буквально — на обескровленном лице веснушки проступили так резко, будто их нарисовали сажей.

— Это Кайран, — одними губами прошептала она. — Альфа стаи «Чёрной Луны». Алёна держись от него подальше.

— Почему?

— Последняя девочка, которую к нему отправили она потом три дня не могла встать с кровати. И всё время плакала.

Я хотела вытянуть из неё подробности, но тут мадам Ирма звонко хлопнула в ладоши прямо над моим ухом.

— Время, дорогая. Покажи им, за что я буду брать с них золото.

Местные лабухи оказались на удивление толковыми. Трио: лютня, барабан и какая-то витиеватая дудка, название которой я не запомнила. Я потратила добрых полчаса перед выступлением, на пальцах объясняя им, что мне нужно.

— Медленно. Ритмично. Тяжёлый, глухой бит. Как сердцебиение в ушах. Тум-тум. Тум-тум. Понимаете?

Сначала они хлопали глазами. Но когда я напела им нужную мелодию — нечто среднее между трип-хопом от *Massive Attack* и мрачной колыбельной — барабанщик понятиливо кивнул и выдал ритм, от которого у меня самой мурашки побежали по спине. Идеально.

Свет в зале приглушили. Свечи вокруг моего шеста зажгли плотным кольцом, так что я оказалась в круге тёплого, дрожащего золотого света, а остальной зал утонул во мраке.

Я шагнула из-за занавески. Тишина наступила не сразу. Сначала по рядам прокатился удивлённый гул. Ликаны не привыкли к представлениям. Они привыкли тыкать пальцем в понравившуюся девку, бросать монеты и уводить добычу наверх. Шоу — это был сбой в их понятной программе. Я встала у шеста. Положила ладонь на холодное полированное железо. Закрывает глаза.

Барабан начал бить. Тум. Тум. Тум.

Я двигалась медленно. Не танцевала — ещё нет. Просто шла по кругу, ведя кончиками пальцев по металлу. Бёдра плавно покачивались в такт. Шёлковые ленты на теле скользили по коже.

Лютня вступила низкой, тягучей нотой, похожей на человеческий стон. Я обхватила шест обеими руками и глубоко прогнулась назад. Тяжелые волосы коснулись пола. Спина выгнулась напряженной дугой. Грудь, едва прикрытая шелком, взмыла вверх. Во тьме зала кто-то зарычал. Тихо, голодно, утробно. Я хищно улыбнулась — в полумраке они вряд ли могли разобрать выражение моего перевёрнутого лица — и начала подъём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.